

О.М. Хилькевич

Сеппаратюги

Олег Хилькевич

Сепаратюги

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Хилькевич О. М.

Сепаратюги / О. М. Хилькевич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Маленький эпизод войны в Донбассе. Небольшая группа детей из разных социальных слоев, в силу различных причин, становятся воспитанниками детского приюта, они живут маленькой коммуной, ссорятся, дерутся, играют, абсолютно не желают замечать войну и каждый день ждут маму, которая их заберет. Пожилой врач детской поликлиники пытается спасти детей в осажденном городе. Законопослушный гражданин Украины, он совершает различные правонарушения и даже преступления, в попытках защитить детей. Книга основана на реальных событиях.

© Хилькевич О. М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

От волнения пальцы тряслись и не слушались. Вот она где – «мамина нычка». Развязав ленточку, и сняв верхнюю крышку коробки, он увидел в ней... конфеты. Они лежали ровными рядами, жирно поблескивая дешевым шоколадом. Воровато оглянувшись и убедившись, что его никто не остановит, взял крайнюю и поднес ко рту. Но тут раздался гром и он... проснулся, застонав от досады, сглотнув слюну и перевернувшись на другой бок, хотел продолжить прерванный сон. Но гром раздался снова, и пукнув от неожиданности, он окончательно проснулся. Он Михаил или просто Мишка – пятилетний малыш, крупного телосложения, большеголовый и сероглазый, огорченно сел, осмотрел комнату. Рядом с ним, на кровати, спала его мать – Оксана Михайловна, уборщица ЖЭКа № 5, худая и некрасивая женщина. Миша был поздним ребенком, но крепким и здоровым, и в отличие от своей угрюмой худосочной матери был жизнерадостным, улыбка никогда не сходила с его лица. Отца своего он не видел, о нем в их доме ходили легенды. По Мишкиным рассказам: то он был летчик, то капитан дальнего плавания, но доподлинно о нем никто ничего не знал. Маму свою же он боготворил, и плохо приходилось тому малышу, который утверждал, что именно его мама самая красивая. Мнение Мишки не подвергалось сомнению. Он посмотрел в окно, на улице только-только начинало светать, и боясь разбудить маму (ей на работу рано вставать), он на цыпочках подошел к окну. Вдруг снова неожиданно раздался гром, да такой силы, что Миша инстинктивно присел за подоконник, задребезжали стекла. Оксана Михайловна, проснувшись от звука, и не найдя рядом сына, спросонья дико закричала, затем вскочив с кровати, в охапку схватила Мишку и бросилась было бежать, но выглянув в окно успокоилась, во дворе было тихо и мирно, только далеко на севере за городом полыхало зарево. Вспышки с восходом солнца становились все меньше и меньше, но гром уже не прекращался и время от времени становился то сильнее, то тише. В это утро она уже так больше и не легла, Мишка, пригревшись, уснул на ее груди, а она все смотрела и смотрела на зарево, содрогаясь от неясных предчувствий.

«Верочка милая срочно уезжай, ты не представляешь, что здесь творится!» – вопил в трубку голос мужа.

«Не паникуй, завтра выезжаю. Все я так решила», – не смотря на протесты мужа и уже не слушая его, отключила связь.

Вера Павловна, несмотря на свою мягкую красивую внешность, была очень жестким человеком, как к другим, так и к себе. Зам. декана института, несмотря на свои сорок с хвостиком лет, выглядела лет на 10 моложе, ежедневные тренировки сделали свое дело, плоский живот, стальные мышцы, и ни капли жира. Муж на ее фоне выглядел ну уж очень блекло. Вера Павловна поздно вышла замуж, по молодости все искала своего принца, но время шло, и уже отчаявшись, вышла замуж за немолодого и некрасивого Николая Ивановича.

Все бы хорошо, но муж пылко влюбился в свою Верочку. Мягкий, добрый, бесхарактерный, в то время он работал мелким чиновником в облисполкоме. Но потребность ублажать все ее прихоти, сделала из него стяжателя и карьериста. В короткий срок, невзирая на крики и вопли, шагая по головам своих сослуживцев, сделал себе карьеру.

И вот «майдан». Николай Иванович чутьем почувствовал опасность и еще за полгода до известных событий стал подыскивать себе новое место в центральных областях Украины.

Место, правда, с понижением, он вскоре нашел и теперь спокойно взирал, как бывших его сотоварищей «люстрировали» обливая зеленкой, справедливо полагая, что до него маленького и вновь назначенного, эта участь не дойдет. Более того «опыт не пропьешь», он уже вышел напрямую на «патриотов» и его карьерный рост был делом времени. Но не карьере, по-настоящему он любил только свою жену, а главное – сына. Вера долго не могла родить ребенка. Поэтому сына он любил не менее Веры, Артем, а ему было уже 3 года, внешне ну никак не был похож на отца, крупный и холеный, немного был похож на девочку, румяные щечки, беленькие

кудряшки, лицо – вылитая мама, но характер папа № 2, спокойный, рассудительный, и очень, очень немногословный. Мать сильно беспокоило его молчание, неоднократно обращалась к логопеду и детскому психиатру, но те никаких отклонений в развитии ребенка не выявили. А отец, тот вообще справедливо полагал, что по нынешним временам, это лучшая черта его характера. Теперь же, узнав об опасности грозящей его семье, он сильно беспокоился.

«Да он не шутит, уезжать надо немедленно», – думала Вера Павловна.

«А экзамены, а институт? К черту!» – Она вспомнила недавние события штурма управления МВД, которые наблюдала из окна своего институтского кабинета и содрогнулась.

«Неужели все бросить? Дом, любимую работу, знакомых, друзей. Бежать?» – думала зам. декана Вера Павловна.

«Да, да, бежать. Бежать и немедленно!» – подумала мама Вера, но все же отсрочила решение, еще надеясь на чудо.

Собирая детские вещи, Вера Павловна тихо заплакала. Тема, который в это время смотрел телевизор, удивленно посмотрел на мать, он не видел, чтобы та когда-нибудь плакала, удивленно поднял было бровки, но по телевизору показывали его любимый мультфильм «Смешарики» и через секунду, снова ушел с головой в экран, забыв о матери и ничего не видя вокруг себя. Сегодня первый раз, как мама не отвезла его в танцевальную студию, там Тема постигал премудрости модных латиноамериканских танцев. Но самба, хоть убей, никак не давалась малышу. Тема имел прекрасную память, с лету запоминал самые сложные па, но свойственная его возрасту медлительность и неточность движений сводили на нет все усилия. От этого он еще больше смущался и делал новые ошибки. Но с мамой не поспоришь.

Перед сном она вела себя как обычно. Выкупав, и напоив Тему теплым молочком, стала читать ему сказку. Убаюканный мягким и немного грустным голосом, Тема быстро уснул. Он не видел снов и спал так крепко, что не проснулся даже, когда рано утром мама одевала его. Тема, правда, похныкал немного, но вскоре снова уснул. Спал, когда мама прогрел автомобиль, осторожно вывела его на дорогу из Луганска, спал и не слышал близких выстрелов, (ночью начался штурм Луганского погранотряда), лишь только вздрагивал во сне, во время многочисленных осмотров на блокпостах.

Вера Павловна уверенно вела автомобиль, в который раз она похвалила себя за то, что в свое время не пошла на поводу у своих подруг и мужа, а купила маленький и надежный «Матис», ведь были же деньги. Ее удивляла та легкость, с которой они миновали блокпосты. На них мало кто обращал внимание и впервые в жизни ее это радовало. Приближалась и цель путешествия, постепенно появилось то чувство уверенности и безопасности, которое никогда по жизни ее не покидало.

Я очень плохо спал, мне всю ночь снилась покойная жена, утомительно слушал стоны и прерывистое дыхание, вдыхал запах лекарств. Неоднократно просыпаясь, пил воду, потел и засыпал, снова и снова видел тот же тягостный сон, будто кто-то прокучивал один и тот же фильм. Проснувшись, быстро умылся, и даже не позавтракав, чтобы не разбудить спящую дочь, пулей выскочил на улицу. Было уже довольно светло, воздух по-утреннему свеж, весенняя зелень и трели запоздалого соловья, напрочь выгнали из моей головы остатки дурного сна. Со свистом над головой пронеслась пара ласточек. Весна, весна господ!

Зовут меня Михаил Ильич, мне 48 лет, я – участковый педиатр и холостяк. Я очень люблю эту пору. Еще в старые добрые времена, при строительстве нашего города, озеленяя, почему-то вместо положенных по проекту тополей и кленов, жители (истинные украинцы) сажали сугубо фруктовые деревья – яблони, вишни, сливы. И по весне, наш город превращался в буйный фруктовый сад. Ни разу не видел, чтобы кто-то сажал абрикосы, но почему-то их у нас более всего. Весь мой двор ими просто утыкан. И все они растут «самосадом» т.е. абсолютно без

всякого ухода. Сильный и нежный запах акации просто оглушал. Постояв с минуту на пороге подъезда, я побежал за машиной в гараж. Вчера сдуру, обещал отвести в психиатричку молодого врача – Екатерину Ивановну. Не близкий свет, километров– 30. А мне еще надо успеть на работу. Честно сказать был бы психиатр мужского пола, ехать бы тому в «топтобусе», но молодой и симпатичной девушке не смог отказать, старый пердун, что делать господа, весна!

Теперь старательно объезжая ухабы, не спеша приближался к цели своего путешествия. Было еще рано. А Екатерина Ивановна, сев в машину, через пять минут уснула. Мне же снова и снова возвращалось ночное тягостное сновидение, дорога была пустынна, и чтобы как-то отвлечься, переключил мысли на последние события. А подумать было о чем, еще полгода назад, если бы кто мне сказал, что в Украине будет война, я бы плюнул бы ему в лицо. Сейчас у меня такой уверенности не было. Этой зимой был в командировке в Киеве. До сих пор не забуду эти ненавистные глаза, белые от бешенства. Откуда эта ненависть, вдруг тихие, спокойные люди превратились в истинных психопатов и не только в Киеве, а по всей стране. До хрипоты орали друг другу, заплевывая глаза. Эта зараза, эта ненависть, как грипп распространялась по Украине, делая врагами раннее близких друг другу людей, разрушая семьи, превращая во врагов отца с сыном, жену и мужа. Может, виновата в этом уж очень затянувшаяся в этом году зима, кто знает. Я все еще был уверен в том, что войны не будет. А попросту не хотел верить. Задумавшись, не сразу услышал выстрелы.

Как–то дико сейчас было слышать эти звуки, мой мозг просто отказывался их воспринимать. Но вдруг, резко и близко, дружно ударили пулеметные и автоматные очереди. Да так неожиданно, что я резко свернул на обочину и остановился. Екатерина Ивановна проснулась и близоруко уставилась на меня, видно не сразу узнав со сна. И вдруг «загупали» минометы. Не знаю, может это мне так кажется, но более точного слова, чем украинское «гупать» к стрельбе миномета подобрать невозможно. Я вышел из автомобиля и по звукам стрельбы определил, что бой идет примерно в километре от нас, по направлению к Северскому Донцу. В недоумении вышла из автомобиля и Екатерина Ивановна, некоторое время мы стояли и, потрясенные, молча слушали звуки боя.

–Что это, что будем делать?

Давно ждал этот вопрос, но так и не придумал, что ответить. До такой степени ситуация была нелепой. Я оглянулся: вокруг яркая весенняя зелень, еще более яркое синее небо, и эти звуки. Вспомнил сон. «Не к добру». Тут раздался звук сирены, из-за поворота вынырнули две «скорых помощи», сверкая «мигалками», пронеслись мимо нас. За ними чуть поодаль двигался маленький, желтенький, как цыпленок, автомобиль. Я вышел из оцепенения, «пора...» но не успел договорить фразу, как звуком рвущейся ткани, заложило уши близким разрывом мины. Мимо с шумом полета ласточки, с шипением, разрезая воздух, пронеслись осколки. Проезжавший мимо нас автомобильчик вдруг резко «рыскнул» в сторону и остановился. Тут же открылась водительская дверь и на асфальт сползла женская фигура. Мне некогда было ее рассматривать, но я знал, что теперь делать. Профессиональным взглядом сразу заметил повреждение сонной артерии. Медлить было нельзя. Пришлось делать «пальцевое прижатие» (старая советская школа, как я ей благодарен). Довольно быстро пережал сонную артерию. Ну не совсем удачно, о чем красноречиво свидетельствовал след от пульсирующей струйки крови на моем белоснежном халате (дочка меня убьет). Попросил Екатерину Ивановну подготовить тампон и уже шарил взглядом вокруг себя в поисках подходящего предмета для фиксации повязки. Екатерина Ивановна растерялась:

– А где мне взять вату и бинт?

– В «звезде», – ответил я, сам удивляясь своей грубости и... пожалел. Внутри автомобильчика раздалась какая-то возня и сопение, через миг передо мной появился малыш с серыми немного пухлыми после сна глазами.

Я глупо спросил:

– Привет, тебя как зовут?

Мальчик не ответил, но только шире открыл глаза, и удивленно посмотрел на меня.

Признаться, сам почувствовал себя не совсем ловко. Как объяснить трехлетнему малышу, а что это делает чужой дядька, весь в крови, на коленях возле его мамы.

Заметив небольшую дощечку на обочине, как раз такую, как мне нужно, попросил его принести ее. К моему удивлению, малыш проявил большую сообразительность и расторопность, чем Екатерина Ивановна. Через несколько секунд, дощечка была уже у меня под рукой. Наконец-то и тампон был закончен. Я начал бинтовать потерпевшую. Мальчик присел напротив и молча наблюдал. Наконец-то смог рассмотреть его: крупный, как для его возраста, ухоженный ребенок, светлые мягкие волосы, здоровый цвет лица, и необычный костюмчик – короткие серые штанишки на «помочах» с кармашком спереди и аппликацией морковки, сзади на штанишках стилизованный заячий хвостик, на голове шапочка с заячьими ушками. Чистенько и со вкусом. «Зайчик», – подумал я. И сразу проникся уважением к его матери. Больше всего поражало его спокойствие, он не плакал, не бился в истерике, как поступили бы другие дети в подобной ситуации, чувствовалась порода и воспитание. Как правило, большей частью мои «клиенты», не умеют говорить. Но в данной ситуации все разговоры были излишни. Поэтому приходилось развивать наблюдательность и интуицию. Да-да интуицию, плохой бы я был педиатр, если бы ею не обладал. Просвистели две излетные пули, не совсем просвистели, знакомый по фильмам свист, ну никак не походит на тот звук, который издает пуля, с нажимом разрывая воздух. Можно сказать «профырчали». С непривычки, рука дрогнула и на моем халате появилась еще одна кровавая дорожка. «Зайчик» ничего не понял, но инстинктивно ближе пододвинулся ко мне так, что было слышно его тихое сопение.

Наконец-то, я закончил свою работу, расправил затекшую спину и в это время заметил еще одну «скорую помощь». Мне бы ни в жизнь ее не остановить, но Екатерина Ивановна проснулась и чуть ли не бросилась под автомобиль. Вскоре, после недолгих препирательств, мы стали грузить нашу жертву. Женщина была без сознания, положив на каталку, водитель сразу накрыл ее простыней. После чего покатил к машине по бугристому асфальту. На одной из кочек рука женщины выскользнула из-под простыни и безжизненно свесилась. В этот момент «Зайчик», которого уже никто не замечал, подбежал к маме, взял ее за руку и покорно последовал за ней.

Я уже думал, на этом все мои приключения окончились, поэтому при погрузке стоял, разинув рот. Но как только «скорая» исчезла за поворотом, спохватился: мы же отправили в больницу женщину с ребенком, без документов, а главное без денег. Да не мешало бы и автомобиль куда-нибудь приткнуть. Я не слышал свист, не видел вспышки, вообще не понял, что произошло. Но очнулся уже лежа на асфальте. В голове непонятный шум. «Ничего себе, нажрался!» – вместе с болью, по аналогии, пронеслась идиотская мысль. Встал только со второй попытки. Чуть менее секунды постоял, шатаясь, и приводя мысли в порядок, удивляясь и не понимая, как вообще тут оказался. Понемногу память стала снова ко мне возвращаться, а вместе с ней и слух. Екатерина Ивановна вопила благим матом. Не слушая ее, все же дошел до «Матиса», взял женскую сумку и «сайгаком» поскакал в сторону своей машины. Почти не помню, как завел автомобиль и рванул. Стал приходить в себя километра через три от этого места. Со слов Екатерины Ивановны, практически рядом со мной разорвалась мина или ракета и что просто чудо, что я вообще остался жив. Заглянул в зеркало – правая сторона лица практически не пострадала, а левая – автомобиль резко «рыскнул» в сторону. Я не узнал себя, «красавец» – глаз полностью заплыл, щека опухла и была черно, красно-синего цвета, страшно болел зуб и нижняя челюсть. В остальном было практически все в порядке, если не считать левой руки и ноги – они плохо слушались меня и тряслись мелкой дрожью. А мой новый белоснежный халат! Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, халат безвозвратно утерян. До «психушки» мы добрались без приключений. На пороге больницы нас ожидал сам главврач.

– Ирина Викторовна, подготовьте две двойных дозы клапексола и две галлопередола, к нам новенькие прибыли.

Но увидев мое лицо, засуетился. Вдвоем с Екатериной Ивановной он быстро затащил меня в кабинет.

– Чего это вам дома не сиделось, но ладно она молодая дура, но ты старый чудак.

Мне не хотелось, да и нечего было ему ответить. Он аккуратно обмыл мне лицо, залепил пластырем кровоточащий глубокий порез на челюсти. Опухоль расползлась ниже к шее.

Чувствуя себя в безопасности, я как-то расслабился. И тут силы стали покидать меня. Напоследок взял слово с Екатерины Ивановны, что та передаст сумку потерпевшей и потерял сознание.

Следующие несколько дней я провел в полузабытьи, в полубреду. Сказать, что врачи больницы плохо работали, не могу. Работали как всегда.

Сразу после поступления в больницу у меня таинственным образом исчезли все деньги. Поэтому сильно не удивился, когда очутился на грязном больничном матрасе. Опухоль практически перекрыла мне дыхательные пути. К моменту осмотра, а это случилось на 3 день, у меня поднялась температура, и резко упало давление. Я умирал.

–Привет, «Топтыгин».

Так меня называла только моя жена, намекая на мою полноту, с трудом открыл глаза и пошевелил губами, отвечая на приветствие. Увидев ее, даже не удивился.

–«Топтыжка», «топтыжка», что же ты вздумал болеть? Тебе очень плохо?

–Скорей бы,– через силу выдавил из себя.

–Не смей даже думать об этом. А Наташа? Что с ней будет?

–Кстати где она? Разбаловал ты ее, как вижу без меры.

В ответ, я только смог кивнуть.

Тут она лукаво улыбнулась.

–А ты меня не боишься?

–Нет, всегда тебе рад.

–Я тоже.

–Милый, я так по тебе скучаю,– и положила холодную руку на мой горячий, потный лоб.

Вскоре я бредил уже постоянно, от меня не отходила моя покойная жена, которая присев на край кровати, вела со мной длинные беседы. Расспрашивала о жизни, жалела. Временами в эти разговоры почему-то вмешивалась моя мать, споря с ней высоким повышенным голосом. Очнулся только на пятый день и к удивлению обнаружил под собой чистую белоснежную простыню. Лежал и гадал, что же произошло? Вдруг услышал пронзительный голос. Мама! Только мама, может почувствовать боль своего ребенка за тысячу километров, и не важно, сколько ребенку лет, три или пятьдесят. Не знаю как, но уже этой ночью она была в больнице. Разбудив дежурного врача подняв весь медицинский персонал, просто вынудила их сделать все необходимое, где подкупом, а где и угрозою. Вскоре хирург вытащил из моей челюсти маленький осколок – причину воспаления и заражения раны.

Первый раз в жизни Тема был так напуган и обескуражен, и не понимал что происходит, а мама, которая всегда могла ему все объяснить, лежит так пугающе неподвижно. Ему хотелось плакать, но он был воспитанным мальчиком. Женщина в белом халате, которая также находилась с ним в «скорой помощи», делала какие-то манипуляции. Напоследок достала из большой сумки шприц. У Темы от страха округлились глаза, назначение шприца ему было уже известно. Женщина, сделав укол, потрепала Тему по щечке (он ненавидел это проявление нежности, но из вежливости промолчал).

«Все будет хорошо малыш»,– более до самой больницы она не сказала ему ни слова.

Прибыв к приемному покою больницы, сотрудники скорой помощи без суеты выгрузили каталку с мамой и Темой. После чего даже не выполнив стандартной процедуры оформления больных, умчались. Маму сразу же повезли в операционную. Тема, по привычке взяв ее за руку, двинулся было за ней, но злой дядя в белом халате что-то крикнул. Тему подхватила старая санитарка. А маму увезли, закрыв перед ним двери. Тема заплакал. Санитарка поначалу пыталась его успокоить. Гладила по головке, просила его посидеть – подождать маму. Но затем вернулась к своим обязанностям. Лишь изредка она выглядывала в коридор, проверить, как там малыш? Но Тема был стойким оловянным солдатиком. Он справедливо рассудил, что если маму завезли в эти двери, то она из них и появится. Весь день Тема просидел, или простоял у двери. Хотелось есть, хотелось в туалет. Но боялся отойти от двери, чтобы не потерять маму. Через некоторое время санитарка догадалась вынести ему больничное судно. Помогла справиться нужду. Но покормить ребенка забыла. Вокруг Темы весь день была суета, приезжали и уезжали скорые, везли раненных. Но ему не было никакого дела до них, он ждал маму.

Вечером, примостившись поудобнее в кресле, он уснул. Таким его и нашла Екатерина Ивановна. Она на автомобиле Веры Павловны привезла сумку с документами и деньгами. Зайдя в помещение приемного отделения, начала было скандалить, но взглянув в уставшее лицо дежурного врача, переменила тон. За короткое время ей без скандала удалось узнать все необходимое о состоянии больной. Найдя его удовлетворительным, заказала отдельную палату. Давно известно, что никакие угрозы не действуют на врачей так быстро, как деньги. В короткое время, спустив довольно значительную сумму, Екатерина Ивановна с удовлетворением наблюдала суету вокруг своей подопечной. Но ребенка оставить с матерью ей не позволили. Разбудив Тему, злой доктор наконец-то подобрел и позволил на короткое время зайти им вместе в палату. Кате же, необходимо было взять направление в детский приют. Тема снова уселся в свое дежурное кресло, ожидая, когда решится его судьба. Уже темнело, уладив все формальности, они выдвинулись пешком. К глубокому своему сожалению, Катя не рискнула использовать для этой цели чужой автомобиль. Нет, она не боялась, просто постеснялась. Но сумку она отказалась оставлять в больнице, уж очень большая сумма по ее меркам, находилась в ней. Чутье подсказывало, делать это небезопасно. Тема покорно тянулся за ней. Он устал, но не капризничал. Тема был хорошим мальчиком. Только в автобусе, взглянув в его измученное лицо, догадалась предложить ему бутерброд с колбасой, оставшийся у нее с обеда. Ребенок судорожно вцепился зубами в черствую булку. В приют прибыли практически ночью, Тема засыпал на ходу. Быстро уладив формальности, Катя исчезла.

Мишка в этот день, против обыкновения проспал несколько дольше обычного. Проснувшись, он несколько минут нежилась в постели, потягиваясь и зевая, вспоминая события сна. После чего вдруг соскользнул с кровати и помчался на кухню. На столе стояла тарелка с кашей и сиротливо лежала шоколадная конфета (мать каждый завтрак выдавала по одной). Мишка мигом добрался до верхнего кухонного ящика. Сон оказался вещим, конфеты были именно там. В это утро каша осталась нетронутой. Через некоторое время, скача по лестнице, словно конь, он вылетел из подъезда. Бабушки, как обычно сидели на своем боевом посту и о чем-то оживленно спорили. Как выяснилось позже, обсуждали утренние события. Мишка чинно поздоровался с ними и напрямик направился к песочнице, в которой его уже с нетерпением дожидался друг и ровесник Пашка. Тут же находилась и Пашкина младшая сестра – Маша. Рядом с песочницей, накрывая ее своей тенью, росла старая абрикоса. Мишке не без труда, но все же удалось различить на ней своего давнего врага – кота «Бандеру». Т.е. «Бандерой» кот стал со вчерашнего дня, когда при попытке его поймать, кот сильно «грызнул» его за руку. Мишка погрозил коту кулаком. Паша и Маша были погодки. С первого взгляда можно было сразу определить, что это брат и сестра. Они были зеленоглазыми блондинами. Пашка был несколько щуплее Мишки, но имел более привлекательное лицо. Маша, несмотря на свои

4 годика, была вообще красавицей. Чего только стоили ее густые вьющиеся длинные волосы и огромные зеленые глаза. Маша кокетливо улыбнулась Мише. Весь двор знал, что Маша неровно дышит к нему. Но Мишка, как ему казалось, был влюблен в пышногрудую не по годам, пятнадцатилетнюю Наталью, дочь врача Михаила Ильича. Та, видя его к себе расположение, всячески поощряла, называла своим женихом, обнимала и даже целовала. Маша только огорченно вздыхала. Пашке не терпелось рассказать свою новость. И Мишка, напустив на себя важный вид, приготовился слушать.

В эту ночь войска ВСУ, скрытно переправившись на правый берег Северского Донца, пытались захватить город. Попытка закончилась поражением. Через Северский Донец переправилось не более батальона пехоты, после чего мост был взорван, заложенным ранее шахтным аммонитом. Взрыв и послужил сигналом к нападению. Силы самообороны города, практически безоружные, совместно с прибывшими казаками из Первомайска, неожиданно со всех сторон ударили по поднимающейся по крутому берегу Донца колонне пехоты ВСУ. Зажатая с двух сторон заборами узкой улочки, колонна не успела рассредоточиться и оказать сопротивление. Началась резня. По слухам, погибло более 200 человек. Но на это не обращали внимание. Силы самообороны города получили богатые трофеи, в том числе 3 единицы бронетехники.

Выслушал новость, Мишка вообразил себя стратегом. Поделив солдатиков Пашки (своих у него вообще никогда не было) начал строить укрепления из песка. Пашка из силикатного кирпича соорудил танк (сделал из песка башню, воткнул в нее палочку) и начал утюжить позиции Мишки, надувая щеки, имитируя звук мотора. Маша некоторое время с интересом наблюдала за их возней. Затем мотнув пышной косой, вернулась к своим куклам, кастрюлькам, чашечкам. «Глупостями занимаются», – подумала Маша. Сверкнув на Мишку, как молния, своими зелеными глазами.

Сверху, с высоты абрикосы, за детьми наблюдал «Бандера», огромный дикий кот. Года три назад, сосед из 14 квартиры, дядя Саша нашел его в лесу слепым котенком. Видимо, собаки разорили логово дикой кошки. Принеся домой, он подложил котенка к щенкам, недавно оцененной дворовой суки «Люськи». «Люська» без проблем приняла котенка. А через некоторое время, когда он подрос, бабушки возле подъезда наблюдали огромный сцепившийся клубок из тел котенка и щенков. Щенки сразу сплотились против котенка. Однако, «Люська» не делала различий между ними. Подскочив к клубку, она лапами раскидывала щенков. После чего, зализав ему раны, принималась кормить. А через некоторое время, недавние враги уже мирно сосали соски матери, урча от удовольствия. Шло время, щенков роздали, а «Люська» попала под машину. Котенок превратился в огромного кота, его большие размеры и необычный окрас – серо-коричневый, бабушки приписывали действию собачьего молока. С людьми на контакт кот не шел. Большую часть дня жил на абрикосе. От непогоды прятался под машиной врача, к которому питал уважение. Тот иногда его подкармливал. И только ему кот иногда позволял себя гладить. До вчерашнего дня у него не было имени, все называли его Кот или наш Кот. К Мише у него была стойкая антипатия. Он до мелочей изучил повадки врага и зорко следил за всеми его действиями.

Все же я долго болел, сделав операцию на моей челюсти, наконец-то занялись и моим левым глазом. Окулист долго ковырялся в глазу, предварительно зажав мою голову в специальный зажим. Из роговицы глаза ему удалось выудить небольшую металлическую стружку. Он поминутно меня ругал, угрожал мне, что могу остаться без глаза. Я же ругал его мысленно, все-таки мой глаз был в его руках. Но я не ослеп. Правда, с тех пор стал видеть левым глазом хуже. Вскоре в больнице появилась и моя дочь. Мне незачем было устраивать ей разнос, ей и так досталось от бабушки. За всю неделю, проведенную в больнице, она ни разу не поинтересовалась – где же папа? «Кошки из дому – мыши в пляс». Теперь стояла с видом побитой

собаки, наблюдая, как я уплетаю, приготовленную по семейному рецепту, курицу. Первый раз за неделю нормально поел. Болезнь пошла мне на пользу – сбросил 10 кг веса. Спортивный костюм, который привезла дочь, на мне висел, как на вешалке. Почувствовав себя лучше, хотелось как можно быстрее покинуть больницу, которая была к тому же переполнена. По ночам кричали от боли раненые, не было обезболивающих, не было антибиотиков. Т.е. было все, как обычно, только намного дороже. «Кому война, кому мать родна». В больнице находились и раненые бойцы ВСУ и раненые-ополченцы (так с недавнего времени стали называть некоторую часть самообороны города). Они вместе проходили лечебные процедуры, вместе мирно курили. И видно было, что между смертельными, еще вчера, врагами, нет абсолютно никакой вражды. Через три недели сняли дренаж. Я заметно окреп и уже тяготился больничным бездельем. На мою просьбу о выписке, лечащий врач отреагировал утвердительно, направив на амбулаторное лечение по месту жительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.